

На правах рукописи

ИДЕЛЬСОН ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

**ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДИРЕКЦИОНАЛЬНОСТИ
ПРИ ДВУЯЗЫЧИИ**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2016

Работа выполнена на кафедре теории языка
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

- Научный руководитель** – доктор филологических наук, доцент
Бороздина Ирина Сергеевна
- Официальные оппоненты** – **Мягкова Елена Юрьевна**,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры гуманитарных,
социальных и естественнонаучных
дисциплин ОУ ВО «Тверской институт
экологии и права»
- **Толмачева Ирина Анатольевна**,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО
«Юго-Западный государственный
университет»
- Ведущая организация** – **ФГБОУ ВО «Брянский государственный
университет имени академика
И.Г. Петровского» (г. Брянск)**

Защита состоится «14» апреля 2017 г. в 14 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 212.261.04 при Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина по адресу: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, 181 И, учебный корпус № 5, зал заседаний диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» и на сайте университета <http://www.tsutmb.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета

И.Н. Толмачева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое исследование посвящено изучению специфики ментальной и языковой репрезентации дирекциональности в речевой деятельности билингвов.

Традиционно под дирекциональностью понимается направленное перемещение субъекта/объекта в пространстве [Андреев 2002, 2003], это – «лингво-когнитивная категория, соответствующая обыденному понятию направления» [Алтухова 2006: 3], языковая репрезентация которой варьируется в зависимости от типа языка [Talmy 1983, 2000]. Как следствие, дирекциональные высказывания – единицы языка, способные передавать информацию о направленном перемещении объектов в пространстве.

Актуальность данного исследования заключается в недостаточной изученности особенностей языковой и ментальной репрезентации дирекциональности в условиях билингвизма. В частности, существует потребность в экспериментальном изучении содержания базовых концептов дирекциональности в сознании двуязычных индивидов, а также в анализе способов и средств вербализации дирекциональности, которые могут быть обусловлены взаимодействием родного (Я1) и иностранного/второго (Я2) языков.

Теоретической базой проводимого исследования стали труды отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики и психолингвистики (Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдырева, В.Б. Гольдберг, В.З. Демьянкова, А.А. Залевской, А.А. Зализняк, А.А. Кибрика, Е.С. Кубряковой, Е.Ю. Мягковой, В.А. Плунгяна, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, А.Л. Шарандина, J. Bohmeyer, D. Gentner, R. Jackendoff, G. Lakoff, V. Landau, R. Langacker, J. O'Keefe, D.I. Slobin, L. Talmy, J. Zwarts и др.), посвященные изучению вопросов билингвизма, анализу репрезентации пространственной картины мира в языке, а также вопросам организации и проведения психолингвистических экспериментов.

Опираясь на психолингвистическую теорию слова А.А. Залевской, в соответствии с которой слово рассматривается как средство доступа к единому информационному тезаурусу индивида, сформированному на основе его перцептивно-когнитивно-аффективного опыта [Залевская 2007], мы предполагаем, что изучение языковых средств репрезентации дирекциональности, в частности, лексем, вербализующих ее базовые концепты, через использование психолингвистических экспериментальных методик с участием билингвов позволит установить содержание данных концептов и выделить те его элементы, которые обусловлены опытом владения двумя языками.

В качестве основной **гипотезы** исследования мы выдвигаем следующее предположение: языковая и ментальная репрезентация дирекциональности при двуязычии характеризуется рядом особенностей в сравнении с соответствующими явлениями при моноязычии: на уровне ментальной репрезентации отличия заключаются в объеме содержания

базовых концептов и качестве хранимой в них информации о среде перемещения и ее характеристиках, направлении и траектории движения, параметрах и чертах движущегося объекта, средствах и способах передвижения, типе направленного движения (реальном/нереальном); в случае вербализации дирекциональности билингвами отличия затрагивают количество используемых лексем и их способность раскрывать лингвокультурную принадлежность индивида, возможность использования билингвами дирекциональной лексики из Я2 в речи на Я1.

Объектом исследования являются языковые единицы, репрезентирующие базовые концепты дирекциональности на Я2 (в данном случае – английском языке).

Предмет исследования – специфика языковой репрезентации и содержания базовых концептов дирекциональности в условиях естественного двуязычия.

Целью исследования является выявление лингво-когнитивных особенностей репрезентации дирекциональности в речевой деятельности билингвов.

Намеченная цель требует решения следующих **задач**:

1) изучить существующие толкования понятия «дирекциональность», проанализировать его связь с категорией «пространство», рассмотреть используемые в лингвистике подходы и методы анализа дирекциональности, а также способы репрезентации дирекциональности в языковой картине мира;

2) проанализировать имеющиеся в лингвистике подходы к толкованию двуязычия и к его классификации, рассмотреть факторы, влияющие на овладение вторым языком в условиях естественного двуязычия, а также причины, типы и способы языковой интерференции при двуязычии;

3) с помощью ряда экспериментальных методик изучить содержание базовых концептов дирекциональности: SPACE, MOVEMENT, DIRECTION в сознании различных групп билингвов, для которых общим Я2 является английский язык;

4) на основе статистического анализа и сопоставления полученных от билингвов экспериментальных данных с соответствующими данными, имеющимися в ассоциативных и толковых словарях, установить различия в содержании базовых концептов дирекциональности у разноязычных групп билингвов, с одной стороны, и билингвов и монолингвов, с другой стороны;

5) выявить особенности вербализации дирекциональности при билингвизме, обусловленные взаимодействием Я1 и Я2 и соответствующих культур.

Научная новизна работы заключается в получении новых знаний о языковой и ментальной репрезентации дирекциональности при естественном двуязычии. В частности, получены новые данные относительно содержания концептов SPACE, MOVEMENT, DIRECTION в сознании билингвов; выявлены отличия в содержании данных концептов у билингвов и

монолингвов, а также у двух разных групп билингвов; установлены причины отмеченных отличий и роль перцептивно-когнитивно-аффективного опыта индивида-билингва в их формировании. Для получения указанной информации в работе используются статистические методы анализа, которые еще не нашли широкого применения в лингвистических трудах, но зарекомендовали себя как достаточно эффективные. Новыми являются также данные относительно случаев интерференции Я2 при вербализации дирекциональности на Я1 и ее причин.

Теоретическая ценность исследования состоит в расширении имеющихся знаний в области изучения явления билингвизма, в частности, естественного двуязычия, в углублении представлений о взаимодействии когнитивных и языковых структур при вербализации процесса направленного перемещения билингвами, в выявлении специфики взаимодействия Я1 и Я2 при порождении дирекциональных высказываний индивидами, владеющими двумя языками. Исследование вносит вклад в теорию речевой деятельности и концептуальную теорию, благодаря полученным дополнительным данным о существовании единой концептуальной базы в сознании билингвов и тесном взаимодействии двух языковых систем в их речи.

Практическая значимость работы определяется возможностью включения ее результатов в преподавание ряда лингвистических и смежных дисциплин в вузах (психолингвистики, когнитивной лингвистики, теории языка, лингвокультурологии и т.д.), в дальнейшие научные исследования в области билингвизма и изучения категории дирекциональности в различных языках.

Материалом исследования послужили 1269 ассоциативных реакций и субъективных дефиниций, представленных информантами-билингвами в ходе проведения экспериментального исследования, а также дирекциональные высказывания на Я1 или Я2, содержащие отклонения от языковой нормы и полученные в ходе наблюдения за речью естественных билингвов в США.

Участники эксперимента: 144 двуязычных информанта, постоянно проживающих в США и являющихся естественными билингвами, из них 72 испытуемых, владеющих русским и английским языками, и 72 носителя вьетнамского и английского языков.

Основными **методами** исследования стали общенаучный гипотетико-дедуктивный метод, когнитивное моделирование, концептуальный анализ, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, методы анализа и синтеза, ряд психолингвистических методик (свободный ассоциативный эксперимент и методика субъективных дефиниций), метод наблюдения, постэкспериментальная беседа и анкетирование, а также методы статистического анализа (t-статистика Стьюдента и аналитические методы инферентной статистики Р. Нуньеса).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Языковая репрезентация базовых концептов дирекциональности и их содержание при билингвизме в значительной степени обусловлены взаимодействием двух языков и соответствующих лингвокультур, а также перцептивно-когнитивно-аффективным опытом индивида, связанным с овладением и использованием Я1 и Я2.

2. В билингвальном сознании базовые концепты дирекциональности тесно взаимосвязаны и находятся в состоянии взаимовлияния, когда специфика одного концепта дирекциональности, обусловленная лингвокультурой первого языка, влияет и на другие взаимодействующие с ним концепты.

3. Формы и способы вербализации дирекциональных концептов билингвами находятся под влиянием языковой интерференции, при которой языковые и когнитивные дирекциональные структуры Я1 влияют на речевую деятельность билингва на Я2, и наоборот. Случаи интерференции с вовлечением дирекциональных высказываний обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

4. Содержание базовых концептов дирекциональности у билингвов несколько шире, чем у монолингвов, так как к представлениям, связанным с направленным перемещением объектов в пространстве, сформированным в процессе овладения первым языком и культурой, добавляются те, которые характерны для второй лингвокультуры. Вместе с тем при вербализации базовых концептов дирекциональности билингвы, в отличие от монолингвов, оперируют меньшим количеством лексических средств, которые бы ярко продемонстрировали лингвокультурную принадлежность индивида.

5. Представления билингвов и монолингвов о базовых концептах дирекциональности варьируются по следующим параметрам: среда перемещения и ее качественные характеристики, направление и траектория движения, характеристики движущегося объекта, средства и способы передвижения, движение в материальном или духовном мире.

Апробация работы. Основное содержание диссертации было представлено в докладах на конференциях: Всероссийская научная конференция «Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы» (Тамбов, 11–12 апреля 2013 г.), VII Международная научно-практическая конференция «Профессиональное лингвообразование» (Нижний Новгород, июль 2013 г.), VII Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 21–22 мая 2014 г.), Международный конгресс по когнитивной лингвистике (Челябинск, 22–24 мая 2014 г.), VIII (XII) Всероссийская научная конференция «Культура как текст» (Москва – Смоленск, 30–31 мая 2014 г.), 9-th Slavic Linguistics Society annual meeting (Seattle, WA, USA, 19–21 September 2014), конференция «Жизнь языка в культуре и социуме-5», посвященная 80-летию д.ф.н., проф. Е.Ф. Тарасова (Москва, 29–30 мая 2015 г.), VIII Международная научная конференция «Слово, высказывание,

текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 20–22 апреля 2016 г.), а также в виде докладов на заседаниях кафедры теории языка ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

По теме диссертации опубликовано 11 статей, общим объемом 4,8 п.л., в том числе 5 статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования результатов диссертационных исследований.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованных словарей и пяти приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность, теоретическая и практическая значимость, новизна, формулируются цели, задачи, гипотеза и положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Представления о дирекциональности и двуязычии в современной лингвистике» посвящена анализу различных точек зрения отечественных и зарубежных исследователей на трактовку понятия «дирекциональность», форм его взаимодействия с категорией «пространство», анализу способов репрезентации дирекциональности в различных языках, рассмотрению научных методов анализа и подходов к изучению дирекциональности. Кроме того, в первой главе представлен анализ общетеоретических проблем билингвизма: подходов к его толкованию и классификации, факторов, влияющих на овладение вторым языком в условиях естественного двуязычия, взаимного влияния Я1 и Я2 и его причин.

Проведенный анализ показал, что дирекциональность играет важнейшую роль в пространственных взаимоотношениях, так как «локально-дирекциональная составляющая – это неотъемлемая характеристика пространства, обозначающая направление движения, ориентированного действия или положения предмета...» [Садовникова 2007: 8]. Дирекциональность тесно связана с категорией пространства как в реальности, так и на когнитивном и языковом уровнях [Кубрякова 1997; Потылицина 2012; Рянская 2002].

Согласно имеющимся в современных исследованиях определениям, базовые концепты – концепты высшего уровня, на котором члены родовой категории имеют одинаково воспринимаемую общую форму, отдельный ментальный образ и могут представлять целую категорию концептов [Lakoff 1987]. В них находится наиболее ценная информация и знания, приобретенные человеком, т.к. базовый концепт «отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [Телия 1996: 96–97]. В этом смысле такие концепты категории дирекциональности, как SPACE, MOVEMENT, DIRECTION вполне соответствуют предложенным

определениям. С другой стороны, основанием для выделения анализируемых концептов в качестве базовых может послужить таксономический принцип организации категорий в целом [Падучева 2009: 361 – 375], в соответствии с которым концепты распределяются по трем уровням – суперординатному, базовому и субординатному. На суперординатном уровне в данном случае располагается концепт, вербализуемый лексемой «дирекциональность». На базовом уровне находятся, исходя из определения дирекциональности как направленного движения объекта в пространстве, такие концепты, как SPACE, MOVEMENT и DIRECTION. Субординатный уровень формируется концептами, конкретизирующими каждый из базовых концептов.

Важно подчеркнуть, что представления о пространстве и направленном движении могут варьироваться от одной лингвокультуры к другой. Так, по мнению ряда исследователей, «осмысление пространства и перемещение в этом пространстве происходило в каждой культуре по-разному, будучи обусловлено определенной иерархией ценностей, прежде всего, национально-культурной спецификой» [Елтанская 2007: 137]. Так, сопоставляя категорию движения в русском и английском языках, А.Б. Чернышев пишет, что «в русской языковой картине мира движение воспринимается как результат, как цель, то есть в связи с топологическими особенностями конечного пункта. В английской же языковой картине мира существенным оказывается сам характер движения, условия взаимодействия X-а и Y-а в процессе движения, независимо от того, является ли конечный пункт пределом, ориентиром или целью перемещения» [Чернышев 2010: 560]. Учитывая тесную связь между категориями пространства и дирекциональности, а также то, что представления о пространстве и направленном движении имеют некоторые отличия у представителей разных лингвокультурных сообществ, в работе прослеживается, как такое положение отражается в сознании билингов.

При рассмотрении лингво-когнитивных аспектов дирекциональности при двуязычии учитывается и то, какими средствами репрезентации дирекциональности пользуется тот или иной язык [Slack, van der Zee 2003; Talmy 1991], т.к. несовпадение указанных средств в Я1 и Я2, по нашему мнению, находит отражение в речевой деятельности билингов. Даже между языками, принадлежащими к одному типу с точки зрения выражения дирекциональности, имеются различия в оформлении дирекциональных высказываний.

С целью выбора методологии собственного исследования в первой главе также представлен анализ подходов и методов, которые используются при изучении дирекциональности в лингвистике. Так, развитие антропоцентрического подхода открыло новые возможности в изучении дирекциональности, при этом наиболее ценные данные были получены при проведении исследования в рамках когнитивного направления [Булынина 2004; Круговец 2007; Samadani, Burton, Gorbet, Kulic 2013; Talmy 2000 и др.]. Важно подчеркнуть, что в современных лингвистических исследованиях

успешно применяются статистические и математические методы анализа [Норман 2008; Chovanec 2010; Toman 1995], которые позволяют существенно повысить валидность получаемых результатов за счет снижения уровня субъективизма в оценке исследуемого явления. В этой связи практическая часть данного исследования выполнена с использованием когнитивнолингвистических методов анализа, а также еще не получивших широкого распространения при изучении дирекциональности психоллингвистических и статистических методов.

Вторая часть первой главы посвящена рассмотрению различных аспектов билингвизма. Здесь отмечается, что в современном языкознании используются два синонимичных термина – «двуязычие» и «билингвизм», которые трактуются как владение двумя языками или литературным языком и диалектом в результате естественного или искусственного освоения этих языков [ПСЛТ 2010: 45]. В лингвистической литературе определение билингвизма варьируется от «узкого» до «широкого» [Austin, Blume, Sánchez 2015]. Кроме того, термин «билингвизм» употребляется в отношении различных сложных процессов овладения вторым языком и взаимодействия лингвистических систем родного и иностранного языков в условиях межкультурного общения, под которым, как считает Е.Ф. Тарасов, понимается «общение носителей разных культур (и обычно разных языков)» [Тарасов 2004: 39]. В своем исследовании мы опираемся на определение билингвизма, представленное О.С. Ахмановой: «...билингвизмом можно считать владение двумя языками (в относительно равной степени) и умение с их помощью осуществлять успешную коммуникацию, даже при минимальном знании языка» [Ахманова 1969: 67].

В работе также рассматриваются различные классификации типов билингвизма, в результате чего подчеркивается, что наше исследование направлено на изучение лингво-когнитивных аспектов дирекциональности в условиях *последовательного естественного двуязычия*, при котором наблюдается более глубокое осознание билингвом не только единиц и структур второго языка, но и культуры сообщества, говорящего на Я2, что, как представляется, находит свое проявление при вербализации дирекциональных концептов. При этом тот факт, что усвоение языков было последовательным (Я1 – русский или вьетнамский, Я2 – английский), дает нам основание предположить, что структуры первого языка и связанной с ним культуры могут проявиться в способе языковой и ментальной репрезентации дирекциональности речевой деятельности билингвов на втором языке.

Проведенный анализ показал, что среди факторов, оказывающих влияние на овладение и пользование билингвом вторым языком, существуют как социально-культурные и личностные, так и лингво-когнитивные. Кроме того, нельзя не отметить тот факт, что некоторые из указанных факторов при билингвизме могут распространять свое влияние не только на второй язык, но и на родной. В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что

владение двумя языками и процесс их использования неизбежно ведут к языковой интерференции, которая проявляется на всех лингвистических уровнях: семантическом, лексическом, синтаксическом, фонетическом и морфологическом «в результате взаимодействия языковых систем» [Залевская 2008, 2009, Залевская, Медведева 2002, Оршанская 2008], а также как «аспект культурной диффузии и аккультурации» [Weinreich 1974: 5].

Явление языковой интерференции при билингвизме оказывает влияние на лингво-когнитивные проявления дирекциональности. При этом, как показывают имеющиеся данные, из всех типов интерференции в случае с дирекциональностью наиболее существенными являются лексическая, семантическая, грамматическая и синтаксическая интерференции. Как и в случае с другими категориями, при вербализации категории дирекциональности может наблюдаться не только интерференция со стороны родного языка на второй, но и приобретенные дирекциональные структуры второго языка могут влиять на речевую деятельность на родном языке.

Во **второй главе** «Языковая и ментальная репрезентация дирекциональности при двуязычии» описываются этапы организации и проведения экспериментов, направленных на изучение специфики содержания базовых концептов дирекциональности – SPACE, MOVEMENT, DIRECTION – в сознании двух разноязычных групп билингвов, и выявляются те характеристики исследуемых концептов, которые обусловлены перцептивно-когнитивно-аффективным опытом билингва, связанным с овладением вторым языком и соответствующей культурой, а также лингвокультурным опытом обусловленным владением Я1. В главе также приведен анализ случаев интерференции при вербализации дирекциональности, полученных в ходе наблюдения за речью русско-английских билингвов в США.

В п.2.1. «Использование ассоциативных экспериментов и методики субъективных дефиниций в изучении дирекциональности» отмечается, что эксперимент является необходимым и незаменимым инструментом при изучении ментальных и языковых характеристик дирекциональности. По мнению И.А. Стернина, «экспериментальные психолингвистические методы играют большую роль в процессе выявления базового образа концепта» [Стернин 2001: 63], что подтверждает возможность изучения содержания концептов дирекциональности посредством использования ассоциативного эксперимента и методики субъективных дефиниций. Благодаря экспериментальным исследованиям мы можем обратиться непосредственно к сознанию носителя двух языков и обнаружить явления, происходящие на уровне когнитивных и лингвистических структур в процессе пользования им вторым языком. Так, А.А. Залевская пишет о том, что «...для индивида в естественной обстановке изолированного слова не существует – даже услышанное без вербального и/или ситуативного контекста оно неизбежно актуализирует (на разных уровнях осознаваемости) некоторую ситуацию, представление об объекте и т.п. с расширяющимися кругами выводных

знаний, ...» [Залевская 2013]. В связи с этим логично утверждать, что воспринимаемая билингвом английская (Я2) лексема, вербализующая тот или иной концепт дирекциональности, актуализирует в сознании целый спектр знаний и переживаний, связанных с пониманием, представлением и осуществлением направленного перемещения в пространстве и обогащенных двуязычием.

При этом, анализируя содержание исследуемых концептов, необходимо учитывать «целостность человека (взаимодействие его тела и разума, невозможность отрыва продуктов перцептивных и когнитивных процессов от эмоционально-оценочных переживаний, постоянная опора на знание о том, как устроен мир, чего можно ожидать в той или иной ситуации, к чему могут привести те или иные действия и т.д.) и постоянная включённость индивида в те или иные естественные и социально-культурные «контексты»» [Залевская 2013]. В случае билингвов таких социально-культурных «контекстов» два, и, следовательно, данный факт находит свое отражение в содержании базовых концептов дирекциональности, а также в способах их вербализации. Более того, представляется вероятным, что в целом перцептивно-когнитивно-аффективный опыт билингвов несколько шире, чем у монолингвов, или, по крайней мере, имеет заметные отличия, что не может не оказать влияния на представлении билингвов о направленном перемещении объектов в пространстве.

В следующих трех параграфах Главы 2 представлено описание экспериментального исследования содержания базовых концептов дирекциональности SPACE, MOVEMENT, DIRECTION в сознании билингвов. В экспериментах приняли участие 2 группы билингвов: Группа 1 – 72 билингва, говорящих на вьетнамском (Я1) и английском (Я2) языках; Группа 2 – 72 носителя русского (Я1) и английского (Я2) языков. В ходе предварительного анкетирования было установлено, что все информанты проживают в США более 10 лет, являются студентами колледжей и демонстрируют высокий уровень владения английским языком. Представленный тип билингвизма может быть охарактеризован как последовательный естественный билингвизм. Привлечение к эксперименту двух групп билингвов, владеющих существенно отличающимися Я1, позволяет не только установить наличие специфики содержания базовых концептов дирекциональности в билингвальном сознании, но и провести ее сравнительный анализ.

Изучение каждого из базовых концептов дирекциональности – SPACE, MOVEMENT, DIRECTION – проводилось поэтапно: 1) свободный ассоциативный эксперимент со словами-стимулами *space*, *movement*, *direction*, 2) субъективное дефиницирование указанных слов, 3) сравнение данных, полученных от двух разноязычных групп билингвов, 4) сопоставительный анализ данных, полученных от билингвов, с данными ассоциативных и толковых словарей, в которых представлены ассоциации и определения, принятые в монолингвальном языковом сообществе.

Полученные данные и выдвигаемые предположения проверялись и подтверждались с использованием статистических методов анализа: инферентной статистики Р. Нуньеса [Nuñez 2007] и метода *t*-статистики Стьюдента.

Так, в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *space* была получена 221 свободная ассоциация (126 от Группы 1 и 95 от Группы 2). Вертикальный анализ реакций информантов показал, что наиболее частотными ассоциациями на английском языке для информантов-билингвов из Группы 1 были: *infinity* (безграничность) – 12, *infinite* (бесконечное) – 12, *endless* (бесконечное) – 12, *quantity* (величина) – 12, *dimension* (измерение) – 12, *size* (размер) – 12, *depth* (глубина) – 11, *distance* (расстояние) – 11, *chasm* (бездна) – 10, *infinitude* (бесконечность) – 10. Наименее частотными: *Galaxy* (Галактика) – 6, *ocean* (океан) – 6.

Для русско-англоговорящих информантов самыми частотными ассоциациями стали: *endless* (бесконечное) – 12, *horizon* (горизонт) – 12, *infinitude* (бесконечность) – 10, *infinity* (безграничность) – 8, *Galaxy* (Галактика) – 8, *field* (поле) – 8, *size* (размер) – 8, *quantity* (величина) – 7, *dimension* (измерение) – 7, *depth* (глубина) – 5. Наименее частотными являлись: *infinite* (бесконечное) – 3, *distance* (расстояние) – 3, *ocean* (океан) – 2, *chasm* (бездна) – 2.

Значительное количество ассоциаций, предложенных информантами из двух групп, совпадает. Однако если информанты из Группы 2 указывали в качестве ассоциаций слова *horizon* и *field*, то представители Группы 1 не предлагали таких ассоциаций. При этом значимыми для представителей Группы 1 стали такие реакции, как *ocean*, *depth*, *chasm*. В данном случае мы разделяем мнение И.С. Бороздиной о том, что совпадение ассоциаций на слово-стимул *space* указывает, в целом, на универсальность пространственных представлений, которые однако могут варьироваться под влиянием функционально-экспериментального характера взаимодействия индивида с объективной реальностью [Бороздина 2011].

Так, судя по наличию у русско-англоязычных информантов таких ассоциаций, как *horizon* и *field*, можно предположить, что в сознании данной группы билингвов есть некоторая тенденция к плоскостному восприятию пространства, которая вызвана рядом культурных факторов (Россия – огромная страна, с бескрайними просторами и полями, уходящими за горизонт и т.д.). В то же время реакции *ocean*, *depth*, *chasm*, поступившие от вьетнамо-английских информантов, могут свидетельствовать об «отголосках» родной культуры: Вьетнам протянулся узкой полоской вдоль побережья Южно-Китайского моря и вода для вьетнамцев имеет первостепенное значение (от главной водной артерии страны – реки Меконг, до ряда значимых культурных символов: дракон – хозяин стихии воды, рыба – одно из основных священных животных). Кроме того, в представленных ассоциациях прослеживается тенденция к трехмерному восприятию пространства, которое, вероятно, можно объяснить географическими

характеристиками Вьетнама: гористая местность, окруженная глубокими водами. Указанные отличительные характеристики пространства в сознании билингвов не могут не накладывать свой отпечаток на их представления о дирекциональности.

Содержание концепта SPACE в сознании билингвов, говорящих на общем втором (английском) языке и различных родных языках, имеет некоторые отличия. В полученных ассоциациях демонстрируются знания и представления билингвов, приобретенные с опытом владения Я1 и Я2 и соответствующими культурами (когнитивный опыт), как например, представления о бесконечности пространства: *infinitude, infinity, endless, infinite*, а также особенности восприятия пространства через призму традиций родной культуры (перцептивный опыт), как например, ассоциации *depth, chasm, ocean*, характерные для вьетнамо-англоговорящих информантов, и *horizon, field*, типичные для русско-англоязычных билингвов). Кроме того, в некоторых случаях на уровне ассоциаций прослеживаются и черты предшествующего эмоционально-оценочного (аффективного) опыта взаимодействия билингвов с окружающим пространством (выбор лексики с положительной или отрицательной коннотацией при описании ассоциаций с пространством). Так, например, использование билингвами из Группы 1 ассоциации *chasm* (пропасть, бездна, расщелина, провал), свидетельствует о том, что своей бесконечностью, непознаваемостью и глубиной пространство может вызвать у человека некий страх.

По результатам эксперимента с использованием методики субъективных дефиниций, направленного на выявление содержания концепта SPACE в сознании билингвов, были получены данные, представленные в Таблице 1.

Таблица 1

Субъективные дефиниции слова *space*

Субъективные дефиниции, полученные от билингвов на слово-стимул <i>space</i>	Перевод субъективных дефиниций на русский язык	Количество информантов Группы 1, представивших данное определение	Количество информантов Группы 2, представивших данное определение
Substance of sufficient size	Материя достаточного размера	10	3
Quantity of sufficient size	Величина достаточного размера	12	3
Infinite distance	Бесконечное расстояние	10	9
Distance between two points	Расстояние между двумя точками	12	10
Distance between subject and object	Расстояние между субъектом и объектом	11	4
Everything around us	Все, что вокруг нас	12	12
Empty space	Пустое место	11	6
"Black hole"	«Черная дыра»	7	8
Universe's infinitude	Бесконечность Вселенной	7	8

Space beyond the horizon	Простор за горизонтом	0	5
Endless field	Бескрайнее поле	0	10
Distance to the object	Расстояние до объекта	12	3
Place where we are	Место, где мы находимся	10	6
Unlimited area	Беспредельная площадь	10	3
Всего реакций: $\sum X$		124	90
Число участников: n		$n_A = 12$	$n_B = 12$
Средняя величина: X		10,3	7,5
Квадрат суммы реакций: $(\sum X)^2$		15376	8100
Сумма квадратов реакций: $(\sum X^2)$		1316	702

Из представленных субъективных дефиниций видно, что в сознании обеих групп билингвов концепт *SPACE* связан с дирекциональностью через представление о расстоянии, которое субъект или объект может преодолеть в ходе направленного движения. Тем не менее, в сознании русско-англоязычных билингвов этот компонент менее ярко выражен. В целом, в представлении билингвов из Группы 2 пространство характеризуется большей статичностью через соотношение с понятием места. Еще одной интересной чертой, характерной для русско-англоязычных билингвов, является то, что, как и в случае с русскоязычными монолингвами (см. подробнее [Бороздина 2011]), достаточно значимым является понимание пространства как «места, где мы находимся», «всего, что нас окружает» и т.д., что свидетельствует о значимой роли такого понимания пространства, при котором человек/человечество является центром мироздания. Здесь мы видим, что толкование английского слова *space*, вербализующего один из базовых концептов дирекциональности, может находиться под влиянием тех смыслов, знаний и представлений, которые активизируются в сознании билингва соответствующим словом из родного языка.

На следующем этапе нами было проведено сравнение экспериментальных данных на слово-стимул *space*, полученных от билингвов, с данными ассоциативных и толковых словарей. Количественный анализ показал совпадение ассоциативных реакций у вьетнамо-англоговорящих и русско-англоговорящих билингвов с ассоциациями английских монолингвов в 87,3% и 74,7% случаев соответственно. Представления вьетнамо-англоговорящих билингвов о таком базовом концепте дирекциональности, как *space*, совпадает с представлениями англоговорящих монолингвов на 94,4% в случае с субъективными дефинициями, в то время как у русско-англоговорящих монолингвов такое совпадение наблюдается в 74,4% случаев.

В ходе сопоставительного анализа было также установлено, какие именно представления о базовом концепте дирекциональности «space»

совпадают у билингвов и монолингвов, а какие нет. Так, основное отличие в содержании концепта *SPACE* у билингвов из Группы 1 состоит в важности связи представления о пространстве с водной стихией, а также с глубиной и бездной (*ocean – 6; chasm – 10*). Как следствие, в отношении представления о дирекциональности у данной группы билингвов можно предположить значимость направленного перемещения по воде, причем как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Данные отличия могут быть объяснены географическими особенностями и ландшафтом Вьетнама, с одной стороны, а также культурной и экономической важностью водных ресурсов для вьетнамоговорящего сообщества, с другой.

В случае с русско-англоговорящими билингвами отличия от англоговорящих монолингвов заключаются в наличии таких ассоциаций, как *field (8); horizon (12)*, которые вызваны аналогичными причинами. В данном случае мы видим, что представления о пространстве, приобретенные с Я1, остаются важными для билингвов и в ходе вербализации базовых концептов дирекциональности на Я2.

Кроме того, был установлен интересный факт: реакции монолингвов на слово-стимул *space* характеризуются бóльшим разнообразием и более ярко выраженными культурными характеристиками. Так, например, общее количество вариантов ассоциативных реакций на слово-стимул *space*, полученных от вьетнамо-англоговорящих билингвов составило 12, а от русско-говорящих – 14, в то время как по данным ассоциативных словарей количество разнообразных реакций у англоговорящих монолингвов составляет 25, а число ассоциативных реакций русскоязычных монолингвов на соответствующее слово-стимул *пространство* – 40. Расхождения между реакциями билингвов и монолингвов наблюдаются не только на количественном уровне, но и на содержательном. Например, среди ассоциаций англоязычных монолингвов встречаются такие реакции, как *shuttle* (многоходовый космический корабль), *astronaut* (астронавт), *NASA* (НАСА – северо-американская космическая ассоциация), в которых отражены реалии страны, ее достижения в освоении окружающего пространства. Русскоговорящие монолингвы демонстрируют аналогичные закономерности в своих реакциях на слово-стимул *пространство*: *километр*, *Евразия*, *восток* и др., которые либо связаны с реалиями страны проживания, либо с укоренившимися культурными представлениями (например, реакция *километр* представляется специфичной по причине того, что в России и США используются разные меры длины и расстояния, *Евразия* и *восток* указывают на географическое положение страны). Вероятно, такое явление можно объяснить тем, что *под влиянием Я2 и соответствующей культуры у билингвов несколько нивелируются представления, связанные с родной культурой, что в языковом плане находит свое выражение в выборе несколько «усредненных» реакций, подходящих и для Я1, и для Я2*. Как представляется, подобные отличия при субъективной дефиниции английского слова *space* двумя различными группами билингвов

обусловлены не механическим наложением систем двух используемых языков, а базируются на всем предшествующем опыте индивида (перцептивном, когнитивном, аффективном), который в значительной степени определяется состоянием двуязычия.

Сравнение субъективных дефиниций билингвов со словарными определениями слова *space* также показало некоторые отличия в содержании исследуемого концепта у билингвов и монолингвов. Так, русско-англоговорящие билингвы продемонстрировали большее разнообразие в определении данного базового концепта дирекциональности: среди отличающихся от словарных определений были дефиниции "endless field" (бескрайнее поле) (10); "black hole" («черная дыра») (8); "space beyond horizon" (простор за горизонтом) (5), большинство из которых тесно связано с культурными представлениями, обусловленными Я1. Сопоставительный анализ представлений билингвов и монолингвов (вьетнамоговорящих и русскоговорящих) о пространстве продемонстрировал как количественные, так и качественные отличия.

Анализ специфики репрезентации следующего базового концепта дирекциональности MOVEMENT – в сознании и речи билингвов проводился аналогичным образом. В результате ассоциативного эксперимента с двумя группами билингвов были получены следующие ассоциативные реакции (Таблица 2).

Таблица 2

Ассоциативные реакции на слово-стимул *movement*

Ассоциация	Количество информантов Группы 1, представивших данную ассоциацию	Количество информантов Группы 2, представивших данную ассоциацию
Driving (вождение автомобиля)	12	8
Walking (ходьба)	11	2
Flow (поток)	12	2
Directional (направленный)	10	8
Motion (движение)	12	12
Change (изменение)	8	5
Cycle (цикл)	12	0
Transition (переход)	11	0
Trip (поездка)	8	8
Travel (передвижение)	6	12
Journey (поездка)	6	12
Distance (расстояние)	12	12
Всего реакций: $\sum X$	120	81
Число участников: n	$n_A = 12$	$n_B = 12$
Средняя величина: X	10,0	6,8
Квадрат суммы реакций: $(\sum X)^2$	14400	6561
Сумма квадратов реакций: $(\sum X^2)$	1262	801

Сравнительный анализ полученных реакций показал, что в целом на уровне ассоциаций представления о концепте движения, вербализованном английским словом *movement*, у двух разноязычных групп билингвов совпадают. Тем не менее, наблюдается ряд отличий в ассоциациях, которые могут свидетельствовать о влиянии опыта, приобретенного с усвоением первого языка и родной культуры. Так, среди частотных ассоциаций вьетнамо-английских билингвов встречаются такие реакции, как *cycle* (цикл), *transition* (переход), *flow* (поток), которые, на наш взгляд, с одной стороны, демонстрируют представления о циклической траектории движения, свойственной многим азиатским культурам, а, с другой стороны, связь движения с водной стихией (как и в случае с концептом SPACE). При этом у русско-английских билингвов наблюдается тенденция к представлению о прямолинейной траектории движения. В данном случае в содержании концепта MOVEMENT отражены результаты перцептивного и когнитивного опыта, связанного с родной лингвокультурой билингвов. Опыт эмоционально-оценочных переживаний в содержании данного концепта дирекциональности практически не представлен.

Анализ данных, полученных в результате проведения эксперимента с применением методики субъективных дефиниций, продемонстрировал, что билингвы из обеих групп, в целом, представили идентичные субъективные дефиниции английского слова *movement*. Однако были выявлены и некоторые отличия: так, например, респонденты из Группы 2 назвали такие определения, как *"effort to reach the goal"* (попытка достигнуть цели) и *"fall into 'black hole'"* (падение в «черную дыру»), которые вообще отсутствовали у информантов Группы 1, в то же время вьетнамо-англоговорящими билингвами были даны такие определения, как *"endless cycle of suffering and rebirth"* (бесконечный цикл страдания и перерождения), *"transition from one state to another"* (переход из одного состояния в другое), *"flow of harmony of opposites"* (поток гармонии противоположностей), которые свидетельствуют о связи индивида с восточноазиатской культурой. Субъективная дефиниция *"riding a bike (cycling)"* (езда на велосипеде), высказанная информантами Группы 1, также свидетельствует о распространенном способе передвижения во Вьетнаме, в то время как русско-английские билингвы приводят в качестве субъективной дефиниции слова *movement* типичный для западных культур способ перемещения *"trip in a car"* (поездка на машине). Здесь наблюдается пример того, что представления о движении, типичные для вьетнамской лингвокультуры, накладываются на семантику соответствующего английского слова и демонстрируют специфику лингвокогнитивной репрезентации дирекциональности в сознании билингвов.

Таким образом, субъективные дефиниции английского слова *movement*, представленные вьетнамо-англоговорящими и русско-англоговорящими билингвами, совпадают на понятийном уровне. При этом важной чертой данных дефиниций является указание на связь концептов MOVEMENT и DIRECTION (*"directional motion of subjects and objects in space"*) (направленное

движение субъектов и объектов в пространстве), "motion toward the goal"(движение навстречу цели), "moving from one point to another"(движение от одной точки к другой), "trip from one place to another"(поездка из одного места в другое) и др).

Отличия в субъективных дефинициях билингвов из двух разноязычных групп, главным образом, состоят в представлениях билингвов о траектории движения (например, наличие представлений о круговом и циклическом движении у вьетнамо-англоговорящих билингвов) и средствах и способах передвижения. Как и в случае с ассоциативными реакциями, в содержании исследуемого концепта дирекциональности превалируют результаты перцептивного и когнитивного опыта носителей двух языков, который демонстрирует характер восприятия движения (например, "transition from one state to another", "trip in a car", "riding a bike (cycling)", "effort to reach the goal" и др.) и знания о нем ("moving from one point to another", "changing location, place, or position", "motion toward the goal", "process of moving" и т.п.). Тем не менее, у билингвов из Группы 1 встречается такая дефиниция, как "endless cycle of suffering and rebirth", в которой прослеживается негативная оценка движения и которая может демонстрировать опыт эмоционально-оценочных переживаний, сформировавшийся на основе Я1 и К1.

Результаты сопоставления данных на слово-стимул *movement*, полученных от билингвов, с информацией из ассоциативных и толковых словарей свидетельствуют о том, что содержание концепта MOVEMENT в сознании билингвов характеризуется некоторой спецификой в сравнении с соответствующими ментальными репрезентациями у монолингвов, т.к. совпадение ассоциативных реакций у вьетнамо-англоговорящих билингвов и англоязычных монолингвов наблюдается на 70,8%, а у русско-англоговорящих билингвов и англоговорящих монолингвов на 97,5%. Что касается субъективных дефиниций, то они совпадают у билингвов из Группы 1 и англоязычных монолингвов на 75,8%, а у билингвов из Группы 2 на 76,6%. По нашему мнению, указанные процентные соотношения подтверждают идею о том, что представления монолингвов и билингвов о таком базовом концепте дирекциональности, как MOVEMENT, имеют заметные отличия. При этом отличия могут быть более существенными в том случае, когда наблюдаются бóльшая разница между системами Я1 и Я2, а также более значительные расхождения в соответствующих культурах.

Основное отличие свободных ассоциаций на слово-стимул *movement* у билингвов и монолингвов касается представлений о траектории или направлении движения объекта (например, прямолинейное или циклическое/круговое движение), а также качественных характеристик движущегося объекта: прерывность/непрерывность, дискретность/целостность и т.п. Экспериментальные данные наглядно демонстрируют то, что репрезентация концепта MOVEMENT в сознании вьетнамо-англоговорящих билингвов характеризуется большей спецификой, чем у носителей русского и английского языков. Отличия в бóльшей степени

обусловлены опытом перцепции и когниции, в то время как результаты эмоционально-оценочных переживаний (аффективного опыта), связанных с перемещением в пространстве, были обнаружены только в единичных ассоциациях и субъективных дефинициях ("*fall into 'black hole'*", "*endless cycle of suffering and rebirth*" – отрицательная оценка; "*flow of harmony of opposites*" – положительная оценка).

Следующим базовым концептом дирекциональности, который мы подвергли анализу, стал концепт DIRECTION. Полученные ассоциативные реакции и статистические данные представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Ассоциативные реакции на слово-стимул *direction*

Ассоциация	Количество информантов Группы 1, представивших данную ассоциацию	Количество информантов Группы 2, представивших данную ассоциацию
Motion (движение)	7	6
Way (путь)	10	8
Point (точка)	10	8
Instruction (инструкция)	10	8
Route (маршрут)	7	6
Speed (скорость)	11	6
Movement (перемещение)	11	10
Distance (расстояние)	12	10
Vector (вектор)	10	6
Map (карта)	11	2
Goal (цель)	12	6
Plan (план)	11	6
Up (вверх)	8	9
Forward (вперед)	5	6
East (восток)	4	2
Всего реакций: $\sum X$	139	99
Число участников: n	$n_A = 12$	$n_B = 12$
Средняя величина: X	10,2	6,8
Квадрат суммы реакций: $(\sum X)^2$	14889	6724
Сумма квадратов реакций: $(\sum X^2)$	1270	612

Представленные ассоциативные реакции наглядно демонстрируют тесную связь выделенных нами трех базовых концептов дирекциональности: DIRECTION, SPACE и MOVEMENT. Кроме того, как и в случае с концептами SPACE и MOVEMENT, концепт DIRECTION в сознании билингвов имеет специфическую репрезентацию, которая в отличие от монолингвов, обусловлена предшествующим опытом билингва по усвоению и использованию двух языков. Так, например, сравнение ассоциативных реакций билингвов с ассоциациями монолингвов показало 63,9% совпадений в случае с вьетнамо-англоговорящими билингвами и 70,7% совпадений у русско-англоговорящих билингвов, что свидетельствует, в целом, об

общности представлений людей о таком концепте, как *DIRECTION* вне зависимости от их лингвокультурной принадлежности. Тем не менее, наблюдаются и заметные отличия в ассоциациях на слово *direction* у билингвов, с одной стороны, и монолингвов, с другой. Более того, указанные отличия варьируются у разноязычных групп билингвов: 36,1% у билингвов из Группы 1 и 29,3% у билингвов из Группы 2. Вероятно, более явные отличия между англоязычными монолингвами и вьетнамо-англоговорящими билингвами в отношении ассоциаций на слово-стимул *direction* можно объяснить более значимыми различиями в двух языках и культурах в сравнении с английским и русским языками и соответствующими культурами. Результаты свободного ассоциативного эксперимента и данные статистического анализа показывают, что, как и в случае с концептами *SPACE* и *MOVEMENT*, концепт *DIRECTION* в сознании различных групп билингвов имеет специфическую репрезентацию, однако указанная специфика не столь ярко выражена в сравнении с другими базовыми концептами дирекциональности. Большинство предложенных информантами реакций отражает их знания (т.е. опыт когниции) о том, что такое направление в отношении перемещения объекта в пространстве, и какие компоненты реальности входят в его состав. Результаты свободного ассоциативного эксперимента и данные статистического анализа показывают, что содержание концепта *DIRECTION* не полностью совпадает в сознании вьетнамо-англоговорящих и русско-англоговорящих билингвов, однако по сравнению с концептами *SPACE* и *MOVEMENT* эти отличия касаются не компонентов содержания, а степени их выраженности, которая демонстрируется через отличия в количестве каждой из полученных ассоциаций.

Субъективные дефиниции слова *direction* в большей мере демонстрируют результаты когнитивного опыта билингва, нежели его восприятие и эмоционально-оценочные переживания. Выяснилось, что концепт *DIRECTION* меньше, чем другие базовые концепты дирекциональности, зависит от билингвального состояния индивида, т.к. в нем не столь ярко отображены результаты перцептивного и аффективного опыта (хотя при этом нельзя говорить о полном его отсутствии). Кроме того, именно в содержании исследуемого концепта наиболее ярко проявилась связь с двумя другими базовыми концептами дирекциональности – *SPACE* и *MOVEMENT*.

На заключительном этапе исследования (п. 2.3) мы обратились к рассмотрению особенностей вербализации дирекциональности естественными билингвами в речи. Нашей задачей было установить, существуют ли какие-либо признаки языковой интерференции при вербализации билингвами дирекциональных высказываний на первом языке. На протяжении 6 месяцев мы проводили наблюдение за русско-английскими билингвами, проживающими в США и свободно владеющими английским языком, когда они в естественной ситуации осуществляли общение на

русском языке. Выявленные случаи отклонений в оформлении дирекциональных высказываний на русском языке фиксировались в письменном виде, а затем анализировались в количественном и содержательном отношении. Кроме того, мы пытались выявить причину нестандартных случаев вербализации направленного движения билингвами.

Проведенное наблюдение показало возможность некоторого «слияния» лексической и морфологической систем русского и английского языков в случаях вербализации дирекциональности, которая проявилась в несоблюдении правил лексической сочетаемости слов в родном языке, парафазией и замещением слов Я1 словами Я2.

Случаи лексико-семантической интерференции с участием дирекциональных высказываний, в частности глаголов, передающих информацию о перемещении объекта в пространстве, составили 28,6% от общего числа, например, *драйвить* – от англ. *drive* (вести машину), *спидить* – от англ. *speed* (ездить на повышенной скорости), *вокать* – от англ. *walk* (ходить пешком, гулять), *хайкать* – от англ. *hike* (путешествовать, ходить пешком на длинные дистанции/в поход) и т.п. При этом, опираясь на выделенные Л. Талми в значении подобных глаголов семы [Talmy 1983, 2000], можно заключить, что наиболее часто в явление лексико-семантической интерференции при вербализации дирекциональных концептов билингвами вовлекаются дирекциональные глаголы, передающие информацию о способе перемещения.

Среди причин лексико-семантической интерференции при вербализации дирекциональности можно выделить как лингвистические, когда иностранное слово выполняет номинативную или экспрессивно-стилистическую функцию, а также функцию языковой (семантической) компрессии, так и экстралингвистические (культурные, социальные, психологические, индивидуальные). Так, например, предпочтение слову из Я2 отдается в том случае, если оно имеет более узкое или конкретное толкование, которое в родном языке можно передать только при помощи словосочетания (ср. *драйвить* – 1 слово, *вести машину* – 2 слова или *хайкать* – 1 слово, *ходить в пешие походы* – 4 слова), или же слово из Я2 выражает некоторую экспрессивно-стилистическую функцию (о чем, например, пишет [Земская 2005]). В этом отношении показателен дирекциональный глагол *вокать*, который имеет абсолютный аналог в русском языке (гл. *гулять*), однако при этом используется билингвами вместо русского слова в том случае, если говорящий хочет выразить свое шуточное, несколько пренебрежительное отношение к описываемому действию. Кроме того, в определенной ситуации индивид склоняется к использованию дирекционального глагола (например, глагол *трансферить*) из более престижного для данного лингво-культурного сообщества языка (в данном случае – английского).

В целом, многочисленные примеры интерференции среди дирекциональных высказываний в речи билингвов свидетельствуют о тесном

контакте лексических единиц родного и иностранного языков, вербализующих категорию дирекциональности, и о единстве той части концептуальной системы индивида, которая включает в себя дирекциональные концепты.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтверждают вынесенные на защиту положения и доказывают изложенную во Введении гипотезу.

В **Заключении** приведены основные выводы по итогам проделанной теоретической и практической работы и намечены дальнейшие перспективы исследования.

В **Приложениях** представлены данные, полученные в ходе проведения экспериментов, и информация из ассоциативных и толковых словарей.

Список использованной научной литературы включает источники на русском и английском языках, словари, справочные издания и электронные ресурсы.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Идельсон Е.В. Лингво-когнитивные аспекты дирекциональности при двуязычии // Когнитивные исследования языка. – 2013. – Вып. XIV. – С. 546-551 (0,5 п.л.).

2. Идельсон Е.В. Математические методы анализа когнитивных и языковых аспектов дирекциональности // European Social Science Journal. – 2013. – №11 (38), том 1. – С. 230-237 (0,8 п.л.).

3. Идельсон Е.В. Понятия пространства и дирекциональности с точки зрения когнитивной лингвистики и смежных наук // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. XVIII. – С. 778-781 (0,3 п.л.).

4. Идельсон Е.В. Причины, типы и способы заимствования при двуязычии // European Social Science Journal. – 2014. – №12 (51). – С. 295-300 (0,6 п.л.).

5. Идельсон Е.В. Репрезентация концепта «SPACE» в сознании билингва: статистический анализ экспериментальных данных // Вестник ЛГУ им. Пушкина. – 2015. – № 3 (Том 1), серия филология. – С. 246-252 (0,6 п.л.).

6. Идельсон Е.В. Роль и место эксперимента в изучении лингвистических аспектов профессионального образования // Мат-лы Седьмой междунар. научно-практич. конф., июль 2013. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, июль 2013. – С. 42-44 (0,3 п.л.).

7. Идельсон Е.В. Топологический подход к анализу когнитивных и языковых аспектов дирекциональности [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. Курский государственный университет. – 2013. – № 2 (14). Режим доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/014-006.pdf> (0,4 п.л.)

8. Идельсон Е.В. Когнитивный подход к изучению способов вербализации дирекциональности // Мат-лы Седьмой междунар. научно-

практич. конф., 21-23 мая 2014 г. – Челябинск: Энциклопедия, 2014. – С. 123-126 (0,3 п.л.).

9. Бороздина И.С., Идельсон Е.В. Функциональный подход к изучению способов языковой репрезентации дирекциональности // Культура как текст: сб. ст. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2014. – Вып. 12. – С. 33-37 (0,4 п.л., личный вклад – 0,2 п.л.).

10. Идельсон Е.В. Двуязычие и факторы, влияющие на овладение вторым языком // Мат-лы Междунар. науч. конф., 29-30 мая 2015 г. – М.: ИЯ РАН – РУДН: Канцлер, 2015. – С. 266-267 (0,2 п.л.).

11. Бороздина И.С., Идельсон Е.В. Концепт «пространство»/«space» в билингвальном сознании // Мат-лы Восьмой междунар. научно-практич. конф., 20-22 апреля 2016 г. – Челябинск: Энциклопедия, 2016. – С. 35-39 (0,4 п.л., личный вклад – 0,2 п.л.).

Сдано в набор 23.12.2016 г. Подписано в печать 23.12.2016 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага Снегурочка. Объем 1,5 усл. печ. л.
Гарнитура Таймс. Тираж 100 экз. Заказ № 347.

Отпечатано: «Деловая полиграфия»
ИП Бескровный Александр Васильевич
г. Курск, ул. К. Маркса, 61 Б. Тел.: (4712) 36-09-45
E-mail: zakaz46@mail.ru